

АЛЕКСЕЙ ФИЛАТОВ

ЛЮДИ

Алексей А. Филатов

Люди «А»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41561461

Люди «А»: Офицеры Группы «А», Книжный мир; Москва; 2019

ISBN 978-5-6041887-3-6

Аннотация

Что мы знаем о людях «Альфы»? Они редко надевают форму. Награды им вручают закрытыми указами. Они мало рассказывают о себе, почти не дают интервью и никогда не снимаются для фото в популярных журналах. Кто эти парни, прошедшие через ад, который они называют «командировкой»? Через смертельный бой, боль и кровь, которые у них именуются «работой»? Их редко благодарят прилюдно. Звание Героя чаще присваивается посмертно, чем при жизни. Тем ценнее эта книга о бойцах самого «закрытого» российского подразделения антитеррора, «Альфа». Её автор, подполковник Алексей Филатов – один из них. Всё, написанное в этой книге – чистая правда. Филатов пишет так, как живет: не скрывая мыслей и чувств. Он и воевал так же. А других в Группе «А» нет.

Содержание

От автора	5
Я	8
1989, осень. Москва. Братеево	9
1980, весна. Москва. Царицыно	13
1985, осень. Орёл. Орловское высшее военное командное училище связи КГБ имени М.И. Калинина	18
1989, зима. Чехов. Командно-заглублённый пункт управления стратегических войск	21
1991, зима. Москва – Чехов – Москва	25
Алексей Филатов	32
Алексей Филатов	34
Савельев	36
1992. Москва. База «Альфы»	37
1991, лето. Москва	42
1979, зима. Кабул	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Алексей А. Филатов

Люди «А»

© А.А. Филатов, 2019

© «Офицеры Группы «А», 2019

© Книжный мир, 2019

*** * ***

От автора

Эта книга о людях, с которыми я служил в Подразделении антитеррора «А». Оно же – «Альфа».

Что такое «Альфа» и чем оно занимается, вы знаете. Если, конечно, живёте в России и хотя бы иногда смотрите телевизор.

События, которые принесли Подразделению славу – не лучшие в нашей истории. Группу «Альфа» не зовут туда, где всё хорошо. «Альфа» – последняя надежда в очень тяжелых ситуациях, таких как война, теракт, вспышка насилия и тому подобное. Люди не любят думать о таких вещах. И их можно понять.

К сожалению, войны, теракты и насилие были, есть и будут. К счастью, на такой случай есть «А».

В этой книге нет летописей и хроник «альфовских» операций, рассказов о подготовке спецназовцев и т. п. На эту тему написано множество книг, статей и иных материалов. В основном доступных для всех интересующихся. Что недоступно – необязательно знать.

Перед вами – правдивый, насколько это возможно, рассказ о нескольких бойцах Подразделения. Живых и мёртвых. Некоторые известны, как полковник Савельев, погибший у шведского посольства, или полковник Торшин, которого до сих пор вспоминают в Чечне. Некоторых помнят только родные и близкие друзья. Но все они прожили достойную жизнь. Достойную и интересную. О которой стоит рассказать.

Эта книга – моё видение. Ответственность за него несу только я.

Поэтому я начну свой рассказ с себя. С того, кем я когда-то был.

Я

1989, осень. Москва. Братеево

Я бегу.

Полпятого утра. Час волка, как говорят врачи-неврологи. Время, когда человек особенно слаб. Говорят, чекисты в тридцатых любили арестовывать именно в это время.

Дождь лупит в лицо. Мне плевать. Я бегу.

Рядом тормозит такси. Водитель опускает стекло.

– Подвезти? – предлагает он.

– Спасибо, шеф, не надо, – отвечаю как обычно. И машу рукой – проезжай.

Водитель даёт по газам и скрывается за поворотом.

Вокруг панельные коробки пятиэтажек. Между ними натянуты верёвки, сушится чьё-то бельё. Пустыри новостроек, обломки бетонных плит со ржавой арматурой. Это Братеево. Здесь я живу. И бегаю здесь уже несколько лет.

Нет, я не любитель ранних пробежек. Я тороплюсь на службу. Мне нужно успеть на электричку до Чепелёво. До станции семь километров. Это полчаса бега.

Хорошо в тёплое время – поутру тихо, прохладно, звенят кузнечики. Осенью и весной льют дожди. Бежать по размытой дороге тяжело. А зимой мёрзнут ноги. Я бегаю в кедах, они не держат тепло. Кеды старые, но других нет. Я всегда смотрю под ноги, чтобы не разбить их о камни, не порезать о битое стекло. Купить новые я не могу.

Мне двадцать четыре. Я молодой, сильный, на пике формы. Я старший лейтенант, служу на сверхсекретном объекте. Но не могу купить себе новые кеды. Я ничего не могу купить. Моего офицерского жалованья едва хватает, чтобы прокормить семью. Поэтому сам я живу на рубль в сутки. Сорок пять копеек – билет на электричку в одну сторону, пятьдесят пять – обед в столовке.

Автобус до станции не вписывается в бюджет. Электричка в обе стороны – тоже. Поэтому до Чепелёво я еду без билета.

В пять утра я сажусь в вагон. Турникетов нет, они появились позже. Первые две остановки можно отдохнуть и согреться. Я опускаю капюшон куртки, поджимаю ноги и пытаюсь урвать несколько минут сна.

Потом заходят контролёры. Я узнаю их по шагам – они грохочут – и по силе, с которой колотятся двери, открываемые размашистым движением. Тогда я встаю и быстро перехожу в другой вагон. Стук настигает меня и здесь. Я ухожу дальше, пока электричка не останавливается. Тогда я выхожу на перрон, и бегу в начало поезда, где контролёры уже побывали.

Я такой не один. В тамбуре всегда толпятся люди. У них нет денег на билет. У них вообще нет денег.

О чём я думаю, трясаясь в обшарпанном вагоне? О том, что моя семья ютится в отцовской двушке в Братеево. Что нам не хватает на жизнь. Нам не хватает даже на еду. Утром по выходным я вижу, как мой отец пьёт скисшее молоко. Он

не даёт его выбрасывать – это расточительность. Он пьёт, не морщась. Я смотрю на это и молчу.

Хочется поесть вдоволь, одеться, купить хорошую обувь. Но магазины пусты, а на рынках всё втридорога.

Мне нужна квартира, машина, достойное жалованье и настоящая мужская работа. То есть служба. И я точно знаю, где именно я хочу служить. В «А».

Я создан для этой работы. Я окончил школу со спортивными разрядами по лыжам, легкой атлетике, плаванию, гимнастике, борьбе, волейболу, стрельбе. Я занимался в подпольной секции карате. На первенствах КГБ, в троеборье, ребята ходили смотреть, как я выполняю подтягивания. Во мне было девяносто кило. Нормативом было тридцать подъемов. Я дотягивался подбородком до кнопки тридцать один раз.

Нет, я не просто мешок с мускулами. У меня отлично работает голова. Я прекрасно понимаю математику и физику. На вступительных экзаменах в Орловское училище связи я решил задачу по оптике четырьмя разными способами, чем поразил комиссию.

Всё это бесполезно. Я пытался поступить в Подразделение. И мне объяснили, что туда меня никогда не возьмут. Не стоит и надеяться.

Но я всё равно буду дома тягать железо, а вечером – бегать в лесопарке. Это вопрос самоуважения. Чести, если угодно.

Я должен быть готов.

И я бегу.

1980, весна. Москва. Царицыно

Пятиэтажка – самое высокое здание в нашем военном городке. Чердак не заперт, можно забраться на крышу. Там хорошо. Вокруг лес. Вдали – недостроенные корпуса многоэтажных домов. Это ещё не Москва. Москва – там, вдалеке.

Мне пятнадцать лет. Моим товарищам примерно столько же. Мы сидим на крыше и болтаем про Олимпиаду. Скоро наступит лето, и мы её увидим.

Хрущёв обещал советским людям коммунизм к восьмидесятому году. Его потом сняли за волюнтаризм. Но обещание запомнилось. И советская власть, поднатужившись, планку взяла – показала советским людям немножечко коммунизма. В одном, отдельно взятом городе. Одним, отдельно взятым летом. И не бесплатно, а за свои кровные. Однако показала. Да так, что потом об этом вспоминали годами – как о путешествии в рай.

Под приезд иностранцев в магазинах появились продукты. На улицах продавали булочки «калорийные» (сейчас от такого названия любую девушку бросило бы в дрожь). Кусочки финской колбасы в пакетиках – тридцать пять копеек сто грамм. Оранжевая «фанта» и соки. Соки в пластиковой коробочке с приклеенной трубочкой – это казалось чудом! В ГУМе и ЦУМе с лотков продавали «Кент» и «Мальборо» по рублю. И прочие чудеса и диковины. Даже квас из цистерн

наливали в одноразовые финские стаканчики. Их, конечно, никто не выкидывал, и они ещё много лет украшали собой советские кухни.

Мы с ребятами так и не увидели всех этих сказочных чудес недостроенного коммунизма. Вместо Олимпиады нас отправили в трудовой лагерь под Харьковом. Советская власть пустила в свой рай не всех. Столицу закрыли от посторонних, а местных жителей изрядно почистили. Куда-то выслали всех бомжей, проституток, всякий мелкий антисоциальный элемент. И ещё старшеклассников – их тоже убрали подальше. Наверное, опасались, что мы будем мешать дорогим гостям. Будем вести себя недостойно и опозорим высокое звание советского подростка. Например, начнём выпрашивать у иностранцев жвачку.

СССР мог запустить человека в космос. Но не мог наладить выпуск джинсов и жевательной резинки. Более того – эти невинные вещи считались опасной идеологической диверсией, символом ненавистной (и вожаемой) западной роскоши.

Да, нам хотелось носить джинсы. Эти синие штаны с двойной строчкой – одежда простых американских рабочих – была красивее и удобнее того, что шили здесь. Хотелось красивых игрушек. Например, маленьких фигурок ковбоев, спецназовцев, рыцарей. Советская промышленность умела выпускать только оловянных солдатиков, у которых не было даже лиц. А у пластмассовых американских героев были ли-

ца, а в руках – маленькие пистолетики, и они были классные. Ещё – кассет и пластинок с западной музыкой. И прочей разной мелочёвки – лёгкой, разноцветной, которой в чугунно-сером СССР не было. Даже этой несчастной жвачки.

Чтобы вы понимали, как же советским людям хотелось попробовать жвачку, небольшая история. В марте семидесятого в Сокольниках проходил товарищеский матч по хоккею среди юниоров – ЦСКА и каких-то канадцев. Канадцев спонсировала фирма Wrigley. Фирма производила дешёвую жевательную резинку. По условиям контракта каждый хоккеист получил коробку с пятнадцатью кило жвачки, которую должен был раздать бесплатно. И когда они стали её раздавать, началась дикая давка, в которой погиб двадцать один человек. В основном, подростки – 13 жертвам не исполнилось 16 лет. Еще 25 человек получили увечья. Не знаю, как они после этого относились к жвачке Wrigley. А вот как после этого относиться к СССР?¹

Но тогда мы такими вопросами не задавались. Мы просто сидели на крыше, смотрели на строящиеся дома и болтали о том, хорошо ли быть спортсменом.

– Лёшка, – убеждал меня Саня Дорофеев, – ты же лыжник! Ты же лучший по лыжам! Займись спортом! Представь – пьедестал, медаль. Играют гимн страны.

¹ Прошло почти сорок лет, а мы и сейчас частенько пытаемся делить поведенческие нормы и вещи на «наши» и «загнивающего Запада». Советская идеология в нас засела накрепко.

– И девчонки глаза лупят, – подхватил Вова Капранов. – Да фигня этот спорт! Слушайте сюда. Батяня матери рассказывал, ну я подслушал... только это между нами, ясно?

Мы пододвинулись поближе. Вовка был генеральский сын, так что ссылка на батю звучала убедительно.

– Есть такая специальная группа, – шёпотом заговорил Вовка. – Там самые сильные мужики со всей страны. Они лучше всех дерутся. Стреляют без промаха. Вообще всё могут.² Но они очень секретные. Про их работу даже родители не знают. И жёны. Все думают, что они... ну где-нибудь там штаны просиживают. А они этой зимой захватили дворец в Афганистане. Точнее крепость. Представляете, крепость! И каждому из них за это дали Героя Советского Союза. Представляете? Живешь, и никто вокруг не знает, что ты герой!

Я почему-то сразу поверил, что это правда. Есть такая секретная группа.

И тогда мне больше джинсов, больше импортных пластинок, даже больше чем восхищённых девичьих взглядов захотелось увидеть этих людей. А ещё больше – стать таким, как они. Самым сильным мужиком, который стреляет без промаха и может захватить крепость.

Если бы мне тогда кто-нибудь шепнул на ухо, что я буду служить вместе с теми – и под командованием тех – кто

² Кстати, недавно мой знакомый на полном серьёзе рассказывал, что знает, как в спецназе учат бойцов покидать физическое тело и выполнять боевые задания в любой точке планеты. Люди всегда верили в сказки.

штурмовал дворец Амина...

А знаете, я бы поверил. Мне было пятнадцать лет, и я был готов поверить во что угодно.

1985, осень. Орёл. Орловское высшее военное командное училище связи КГБ имени М.И. Калинина

– Курсант Филатов, срочно вылетаете на секретное задание! Можете не вернуться! – заорал Лёша, вскочив на стул посреди столовой во время обеда.

Я тоже вскочил, отдал честь, и ответил, чеканя слова:

– Так точно! К вылету готов!

Дежурный прикрикнул на нас. Мы сели. Лёха торжествуяще ухмыльнулся. Я тоже. Мы оба знали – нам выпал счастливый билет.

Я закончил школу в 1982 году. У меня не было особых проблем с учёбой – и, что важнее, с поведением. Не потому, что я был пай-мальчик. Но мне везло. Например, однажды меня с друзьями задержал в кафе, где мы выпивали, комсомольский патруль. К счастью для меня, с нами увязался тот самый генеральский сынок. Его папа и замял дело в милиции – причём не только в отношении сына, но и меня тоже. Мы жили в одном военном городке, так что милиция была местная, генерал смог договориться. Другим повезло меньше. Они попали на учёт в детскую комнату милиции. Что в советское время означало – шансов на хорошее место учёбы у человека больше нет. Через полгода я с примерным пове-

дением в аттестате уехал поступать в военное училище. И уже окончив его, узнал – на побывке дома – что один из моих тогдашних приятелей в тюрьме, а второй в могиле. Нанюхавшись какой-то дури, он выбросился из окна девятого этажа маминой квартиры, где мы часто собирались... Не отмажь в той истории в кафе папа-генерал своего сынка и меня заодно, не видать мне военного училища как своих ушей.

Но это я узнал потом. В тот момент, удачно поступив, я налёг на учёбу и спорт. Я был уверен, что у меня отличные перспективы, иначе и быть не может.

А потом в училище пришли люди из «Группы А», чтобы отобрать для себя лучших.

Я сразу понял – да, это они. Те самые сверхлюди, о которых когда-то рассказывал Вовка, генеральский сын. Секретные герои Афгана, лучшие из лучших.

Я не стал скрытничать и рассказал всё, что знал о Подразделении. И хотя знал я немного, но всем захотелось попытаться счастья и попасть в элиту элит.

Накануне дня отбора мы с Лёшей Ивановым – моим ближайшим другом в училище – не могли заснуть. Уже под утро, с вымотанными нервами, мы всё-таки забылись сном.

Отбор был жёстким. Двадцать километров кросса, сто отжиманий, спарринги по рукопашке. Прошли двое – я и Лёшка. Нам очень хотелось, и мы сумели выложиться.

Мы были абсолютно уверены, что нас возьмут. Не могли не взять. Мы были единственные, кто показал класс. Мы

ждали, когда нам оформят документы.

И дождались. Однажды обоих выдернули с занятий к командиру батальона, которой спокойно сказал:

– Иванов и Филатов. Насчет зачисления в Группу «А» – отбой. Приказ руководства. Свободны.

Я заплакал. Впервые во взрослой жизни.

Самым унижительным было то, что нам ничего не объяснили. Мы не знали, чем провинились, за что нас завернули. Спросить было не у кого. Впрочем, в военном училище задавать вопросы не принято. Приказ начальника – закон для подчинённого, и это всё, что подчинённому нужно знать.

Довольно скоро к нам приехал отец Лёши. Он и объяснил, в чём дело. Оказывается, Лёшину мать, чиновницу из Минторга, уволили за подозрение во взяточничестве. Тогда как раз начались знаменитые «перестроечные чистки» 1985-го.

Не знаю, виновата ли была мать Алексея, или её просто сделали крайней. Советская власть, стремительно дряхлеющая, в последний раз решилась показать зубы. Она была уже не та, что прежде, но нам хватило. Лёшу, как неблагонадёжного, решили держать подальше от секретного подразделения. И меня, как его лучшего друга.

Так что по окончании училища вместо «Альфы» меня определили в связь и закатали под землю.

Нет, не на два метра вглубь. На триста.

1989, зима. Чехов. Командно-заглублённый пункт управления стратегических войск

Теперь я живу без солнца.

Служба начинается в шесть утра. Начинается она со спуска. Это долго и скучно. Подъём будет уже затемно. Я успею вернуться домой на электричке. Дома всегда хватает дел. А мне ещё предстоит где-то набраться терпения на следующий день, который ничем не будет отличаться от предыдущего. И следующий – тоже. Здесь ничего не меняется. Да и не должно.

Наш подземный город занимает несколько тысяч квадратных метров. Сотни комнат, километры коридоров, стратегический запас еды и воды на несколько лет. Всё – на случай ядерной войны. Однако война всё никак не начиналась. Бомбы не взрывались. Люди просиживали под землей жизни.

Я сижу на старом, вытертом до плеши, стуле. Я полирую его уже четыре года. Это время прошло в душной комнате со стенами из противопожарных панелей и десятками мониторов ЭВМ.

Моя задача – следить за технической исправностью оборудования. Для этого мне не нужны спортивные разряды. Не нужна физика, математика и прочие науки. Откровенно го-

вора, мне почти ничего не нужно. Немного специальных знаний и очень много терпения.

Нет, я не страдаю от одиночества. Я не один. Мы делим комнатку с Иваном Петровичем Рожковым. Ему остался год до пенсии, что было его преимуществом. Кроме того, у него имелась машина. «Копейка»-развалюха, купленная ещё в семидесятые. Он по-своему любил её, обихаживал и чинил. Однако прекрасно понимал, где он и что с ним. Он говорил об этом прямо:

– Стоило учиться, мечтать, чтобы потом сводить концы с концами? Ездить на консервной банке и сидеть тут, как крот?

Иногда он выражал ту же мысль поэтичнее:

– Я как мой тарантас – оба старые и катимся по дороге жизни, никуда не сворачивая. Медленно и со скрипом.

Это была правда. Петрович уже был не на пике формы. Волосы его поредели, зубы сгнили. Единственной радостью оставался просмотр футбола по вечерам. Он заполнял время пересказом матчей и похохатывал над ошибками футболистов, не стесняясь развалин во рту.

Впрочем, ко мне он относился по-дружески. И пытался учить жизни.

– Ты-то что сидишь? – твердил мне Петрович – Ладно я, мне год до пенсии. Что, ты так и собираешься просидеть всю жизнь в этом подземелье? Лучшие годы своей жизни?.. Выращивая язву и теряя зрение?

Я молчу. Сказать мне нечего. Особенно после того, что я узнал, когда попытался прорваться в «Альфу» второй раз.

Да, мне выпал ещё один шанс. Жена устроилась медсестрой в поликлинику КГБ, где случайно услышала, что набирают бойцов в элитное подразделение.

– Может, попробуешь? – предложила она.

Я сразу понял, что речь идет о Группе «А». Так я предпринял вторую попытку. Легко сдал все нормативы и явился на финальное собеседование.

– Как Вас допустили к сдаче нормативов? – удивился председатель мандатной комиссии. – Вы же на подписке о невыезде. Как сотрудник, работающий с совсекретной информацией!

И отрезал:

– Невыездной. При всех ваших отличных данных Вы нам неинтересны. Примите как данность.

Тогда я не знал, что сотрудники Группы уже всю работу в мировом масштабе. Именно они обменивали в Цюрихе диссидента Буковского на чилийского коммуниста Луиса Корвалана. Они же обеспечивали безопасность при обмене советских разведчиков, схваченных американцами, на пятерых советских политзаключённых – это было в Нью-Йорке. В Гаване, на Кубе, «альфовцы» вместе с боевыми пловцами Черноморского флота обеспечивали безопасность подводной части пассажирских лайнеров, зафрахтованных для делегатов Всемирного Фестиваля молодежи и студентов. И,

конечно, Афганистан. Обкатка в боевых условиях для каждого «альфовца» была обязательной.

Нет, я не знал. Принял это как данность.

Иван Петрович об этом знал. Я всё ему рассказал. Однако он продолжал свои монологи про плешивый стул.

А я, возвращаясь из-под земли на поверхность, продолжал тренироваться. Тягал железо, бегал по лесу – босиком, кеды всё-таки развалились – и держал форму.

1991, зима. Москва – Чехов – Москва

«Альфа» была создана по личному приказу Андропова № 0089/ОВ³ от 29 июля 1974 года. Приказ был сверхсекретным и написан от руки.

Подразделение часто называли «Группой Андропова». Многие думают, что название Группы – «А» – это первая буква фамилии Юрия Владимировича. Может быть. В любом случае Группа – лучшее, что он создал.

У американцев и англичан антитеррористические группы появились ещё в сороковые-пятидесятые годы. Британская САС – «специальная авиадесантная служба» – была создана ещё в 1947 году. Американские «зелёные береты» – в 1952. Остальные западные страны также стали обзаводиться чем-то подобным.

Это неудивительно. Запад понимал силу террора. Демократические институты – такие как возможность свободно пересекать границы, приобретать оружие, общаться с прессой и т. п. – облегчали проведение терактов. Можно было приехать в США, разжиться автоматами и взрывчаткой, захватить заложников и потребовать, скажем, выпуска из тюрьмы нескольких особо опасных «соратников по борьбе». Потребовать через прессу, чтобы американское правитель-

³ ОВ – «особой важности», высшая степень секретности в советской документальной системе.

ство не смогло замолчать требования. И потом раздавать интервью о своей борьбе с империализмом.

Советское руководство смотрело на всё это свысока. СССР был устроен как осаждённая крепость. Границы на семи замках. Оружие недоступно. Средства массовой информации не могут сказать и слова без разрешения властей. Недовольных мало и за каждым из них следят. Казалось, всё под контролем.

Андропов думал иначе. Во-первых, он понимал, что за всеми не уследишь. Во-вторых, ему было хорошо известно, сколько людей мечтают покинуть осаждённую крепость. Рано или поздно кому-то придёт в голову, что если советская власть не понимает по-хорошему, можно поговорить с ней и по-плохому. Тем более, такие попытки уже были, в том числе и успешные. 15 октября 1970 года отец и сын Бразинскасы угнали советский гражданский самолет АН-24 с 46 пассажирами на борту в Турцию, убив бортпроводницу и тяжело ранив трех членов экипажа. Турецкие власти Москве их не выдали. Можно было ожидать, что кто-нибудь захочет повторить историю успеха.

Последним предупреждением стал теракт на Мюнхенской Олимпиаде 1972 года, когда палестинцы из «Чёрного сентября» атаковали Олимпийскую деревню и взяли в заложники израильских спортсменов. Немцы хотели создать впечатление мирной и дружелюбной страны и пренебрегли требованиями безопасности. Террористам удалось захватить

одиннадцать человек. Их пытались освободить полицейские. Выяснилось, что полиция не умеет работать с террористами. Заложники погибли – четыре тренера, двое судей и пятеро спортсменов.

Немцы сделали правильные выводы. Через два месяца после теракта они создали антитеррористическое подразделение GSG 9. В этом им помогли английские коллеги из SAS – предусмотрительные англичане имели антитеррористическую службу ещё со времён войны. Другие страны последовали немецкому примеру и стали создавать свои структуры. Советские руководители задумались.

3 июля 1973 года четверо, вооружённые охотничьими ружьями, захватили рейсовый самолет Як-40, летевший из Москвы в Брянск. Они потребовали вылета за рубеж. Террористы были неопытными, так что их удалось взять без жертв, а само происшествие замолчать. Но необходимость иметь свою антитеррористическую группу стала абсолютно очевидной.

Как должна работать такая группа, никто не знал. Не было возможности и воспользоваться чужим опытом. Англичане и американцы не стали бы помогать главному противнику. Кое-чему научили ребята из «братских стран» – например, рукопашку преподавали кубинцы. Но в целом приходилось действовать по обстановке и набирать опыт самим.

Первой базой Подразделения был спортзал на Новосло-

бодской. Потом «Альфу» приписали к «семёрке»⁴, у которой была своя инфраструктура.

Впервые «Альфу» задействовали в 1976 году, в Цюрихе – там обменивали советского диссидента Буковского на генсека запрещённой чилийской компартии Луиса Корвалана. «Альфа» обеспечивала безопасность операции. Тем же группа занималась на Кубе в 1978 году, где проходил молодёжный фестиваль, и советские товарищи опасались провокаций.

Тем временем терроризм добрался и до Москвы. 28 марта 1979 года преступник проник в посольство США. Угрожая бомбой, он требовал самолёт для вылета за рубеж. «Альфовцам» повезло – террорист всё-таки взорвал бомбу, но та убила только его самого.

Потом начался Афган. Самая известная операция «Альфы» – штурм дворца Амина. Но этим её работа не ограничивалась. Например, «Альфа» обеспечивала безопасность первых лиц афганского государства.

К Олимпиаде численность сотрудников увеличили. База «Альфы» переехала в Олсуфьевский переулок. Здание и территория были скромными, условия – спартанскими. В этом месте «Альфа» квартировала следующие двадцать лет.

В 1981 СССР познакомился с «самолётным» террориз-

⁴ «Семёрка» – Седьмое управление КГБ. Специализация: оперативно-поисковая деятельность (наружное наблюдение и т. п.), охрана дипкорпуса и ещё ряд задач.

мом. Началось всё с сарапульского инцидента – два вооружённых дезертира захватили в заложники школьников и стали требовать вылета. Потом были Тбилиси, Уфа, Баку, Саратов... Одновременно с этим «Альфа» работала по захвату шпионов, обезвреживанию особо опасных преступников и ещё много чего.

Общественность узнала про «Альфу» после того, как её первый раз предали. Совершил это не кто иной, как первый и последний Президент СССР, бывший Генеральный Секретарь ЦК КПСС, экс-председатель Верховного Совета СССР Михаил Сергеевич Горбачёв.

К тому времени СССР уже дышал на ладан. Первой от него отделилась Литва. Горбачёв произнёс несколько длиннейших речей и попытался действовать мягко. Литве объявили энергетическую блокаду – перестали поставлять бензин. Литва почему-то не приползла на коленях обратно. Ей даже не стало сильно хуже. Остальные республики, видя, что литовцам всё сошло с рук, стали готовиться к независимости.

Тогда Горбачёв решил, что нужно что-то делать. Воспользовавшись повышением цен и недовольством населения – очень умеренным – Горбачёв заявил, что трудящиеся республики просят навести порядок. И ввёл в Вильнюс войска – в том числе и «Альфу». Её бросили на штурм местного телецентра. Штурм закончился гибелью людей – во всяком случае, так об этом заявили литовские власти. Разумеется, то-

гда все безоговорочно поверили литовцам и не хотели ничего слышать от советских властей. Горбачёв испугался свиста и крика общественности и заявил, что ничего не знал. Тем временем секретный отчет с именами офицеров «Альфы» был «слит» в центральную прессу.

Вот тогда-то вся страна и узнала о Группе «Альфа», и о том, как Горбачёва отказался от посланных им в Вильнюс людей. Дело представили чуть ли не как личную инициативу бойцов – сели на танки и поехали.⁵

Я был офицером КГБ, и не понимал, что происходит. И как это вообще может происходить. Предательство руководства, слив секретной информации – всё это не укладывалось у меня в голове. С другой стороны, я всё-таки мечтал попасть в Подразделение, и не мог не воспользоваться возможностью что-то узнать о нём. Я охотился за газетами, которые писали об «Альфе». Кстати, само это имя было придумано газетчиками – «Альфа» звучало красивее, чем просто «А».

Тем временем наше материальное положение ухудшалось. В стране исчезло вообще всё. В магазинах оставались только перец и лавровый лист. Потом исчезли и они. Когда же в магазинах стали продавать полки, стало понятно – надо искать пропитание помимо работы.

Однажды субботним вечером я притащил с друзьями домой груду деталей со швейной фабрики. Из них мы сумели

⁵ Впоследствии этот простой трюк повторяли неоднократно. В наше время – тоже. К сожалению, мы достойные дети советской эпохи.

собрать швейную машинку, и я довольно быстро её освоил. Днём я сидел под землёй, а ночью шил из джинсовки сыну комбинезон и кепку. И у меня здорово получилось. Когда сын натянул на себя обновку, жена была страшно довольна. Я понял, что могу хотя бы обшивать семью.

Возможно, я смог бы стать хорошим портным. Но судьба, видя это, поторопилась выдать мне ещё один билет.

8 декабря я, как обычно, спустился вниз, сел на стул и занялся тем же, чем занимался все эти годы. Тут в комнату вбежал – нет, ворвался – Петрович.

– СССР больше нет! – закричал он с порога и рассказал о Беловежских соглашениях.

Наверное, я должен был быть потрясён. Но у меня не хватило времени, потому что Рожков тут же продолжил:

– Нет страны, нет и обязательств! Твоя подписка о невыезде теперь – филькина грамота! Сечёшь?

Я просёк. И молча кивнул.

– Вали отсюда, – распорядился Рожков. – Чтобы я тебя здесь больше не видел.

Я послушался Петровича и свалил. Вышел на нужных людей, сдал в очередной раз нормативы (у меня это стало получаться всё лучше и лучше с каждым разом), прошёл всё, что полагается пройти, и был зачислен в ряды.

Тогда я ещё ничего толком не знал.

Алексей Филатов

Жить

*Люди рождаются в боли.
Потом привыкают жить.
Жизнь – как чистое поле,
Где жаворонки во ржи.
Где все начинают с разного,
А дальше – как повезет:
Кому-то больше прекрасного,
Кому-то – труда и невзгод.
И я, начиная свои пути,
Учился делать шаги,
И мои первые трудности
Меня научили: не лги.
Не лги ни отцу, ни матери
И – важно – не лги себе:
У лжи золотые скатерти,
А правда всегда в борьбе.
Судьбу закаляет правда,
Как сталь закаляет вода.
Себе говорил: «Так надо», –
И прямо я шёл всегда.
Мне силы хватило и воли
Дорогу свою сложить...
Люди рождаются в боли.*

Потом привыкают жить.

Алексей Филатов

Простой герой

*Боевому товарищу, другу и командиру –
Торшину Юрию Николаевичу*

*В газетах напишут герой,
И выпьют стоя друзья.
И скажут: «Была прямой
Непростая его колея».
Что жил не всегда умело,
За правило – отдавать.
Говорил, что лучше стоя умереть за дело,
Чем без дела свое доживать.*

*Есть такие среди нас люди,
По-другому их сердца бьются,
Их дела никто и никогда не забудет,
Они в душах наших навсегда остаются.*

*Жизни качнется маятник,
Возвращая привычный быт.
Ему не поставят памятник,
Но вряд ли он будет забыт.
Ведь все одной нитью связаны,
На бегу замолкая, порой.*

*Те, что были жизнями ему обязаны,
Скажут: «Помним, простой герой».*

Савельев

1992. Москва. База «Альфы»

– Филатов, к Савельеву подымись! – крикнул оперативный дежурный.

Я только что отслужил свой первый день в «А». Меня ждало ночное дежурство. Бойцы толпились в комнате для сна – слово «спальня» здесь было неуместно. Спали по семь человек, сменяясь на посту каждые три часа.

Я об этом не думал. Я сидел и смотрел на то, что мне выдали: два чемодана оружия и огромный мешок средств личной защиты. Я чувствовал себя как мальчишка, получивший огромный пломбир.

А теперь мне зачем-то нужно идти наверх, к Анатолию Николаевичу Савельеву, имевшему в Подразделении репутацию монстра.

Поднимаясь на третий этаж, я вспоминал всё, что успел услышать о полковнике за этот день.

По словам бойцов, он был абсолютно безжалостен. К себе и другим. На полигоне его бойцы стреляли боевыми, а в футбол играли в шестнадцатикилограммовых бронежилетах. Он сам принимал участие в игре – тоже в броне. После футбола вёл людей на силовые тренировки: сотни подтягиваний, полсотни подъёмов штанги, отжимания. Разумеется, в броне и шлемах.

Однажды на учёбе – брали «дом с заложниками» – он при-

казал новичку выпрыгнуть со второго этажа в броне и с оружием. Парень повредил спину. Других заставлял бросаться под машины, прямо под колёса. На все претензии отвечал: «В бою целее будут».

При этом был не чужд высокой культуре. Иногда он спускался из кабинета в дежурку и читал бойцам поэтов Серебряного века – наизусть. Те поэзию не слишком ценили – им хотелось покемарить на дежурстве... Но все сходились на том, что полковник службу блюдёт. Хотя, конечно, и монстр.

Это я ещё многого не знал об Анатолии Николаевиче. Однако перед дверью его кабинета невольно замедлил шаг. И постучался с опаской. Услышал «войдите» и открыл дверь.

В кабинете было темно – горела только настольная лампа. За столом, обложенный раскрытыми книгами, сидел суrowsый на вид человек, с лицом как у разведчика из советского кино. Казалось, он не умеет улыбаться.

Рядом со столом на полу лежала гиря. На вид пудовая.

– А, Филатов. З-заходите, – сказал полковник. – Гирю видите?

Я не успел ничего сказать, как он продолжил:

– Б-берите и начинайте отжимать. П-посмотрим, на что Вы способны.

Взяв гирю, я понял, что ошибался насчёт веса. В ней было все два пуда. Но делать было нечего. Надо было показать себя. И я начал показывать.

После тридцати отжятий я почувствовал, что силы на ис-

ходе. Больше всего боялся, что гиря сорвётся с кисти и проломит пол. Но Савельев продолжал смотреть на меня спокойно и оценивающе. И я продолжал – уже на принципе.

– П-понятно, – наконец, сказал полковник. – С-садитесь.

Я плюхнулся на стул, пытаюсь отдышаться и стараясь не показывать этого. Чтобы отвлечься от горящих лёгких и бухающего сердца, я стал рассматривать книги на столе. На глаза попались маленькие изящные томики Ахматовой и Цветаевой, повёрнутые обложкой ко мне.

Савельев дал мне пару секунд. Потом спросил: – Филатов. В Подразделение зачем п-пришли?

Я взял ещё одну секунду, чтобы вдохнуть-выдохнуть, и сказал:

– Мужчиной родился – мужчиной быть хочу.

– И что такое, по-Вашему, быть м-мужчиной?

– Заниматься настоящей мужской работой. Выкладывать-ся на все сто. Прямо идти к цели. Не вилять по жизни.

Савельев усмехнулся.

– Д-допустим. Тогда расскажите, как м-медкомиссию проходили? У Вас что-то с давлением. Н-наверное, и сердце тоже не очень? С-скрыли, значит?

Мне поплохело.

Я действительно схитрил. Перед самой медкомиссией я избавился от медицинской карты. Пока служил в Чехове, врачи ставили мне проблемы с давлением. Я знал, что с таким диагнозом в «Альфу» не возьмут, поэтому я забрал в

поликлинике карточку и «потерял» её. А Савельев об этом откуда-то узнал. Наверное, сделал контрольный звонок в поликлинику, и в регистратуре меня вспомнили. Что-нибудь лягнули. И вот теперь я сижу тут и обливаюсь потом.

Да, это было наивно. Потом-то мне объяснили, насколько тщательно проверяют кандидатов. Но тогда я этого не знал. Ясно было одно – врать поздно и бесполезно.

– Да, – сказал я. – Карту больничную я уничтожил. В поликлинике сказал, что потерял. Прибор у них дурной. Все у меня в порядке и с давлением, и с сердцем, товарищ полковник.

Я ждал чего угодно. Но Савельев меня удивил – улыбнулся.

– З-знаете, – сказал он, – у меня тоже был т-такой случай. Я проходил медкомиссию в с-семьдесят четвёртом. Я з-заикаюсь. Меня могли не взять. Но у меня есть друг, которого я попросил п-пройти за меня м-медкомиссию. Он п-прошёл. То есть я п-прошёл.

– Вы были так похожи? – удивился я.

– Н-нет. Но это н-не важно. Тут главное – взять ситуацию под свой контроль, – Савельев провёл рукой по столу. Надо зайти и открыть документ прямо на фотографии. Смотреть д-дерзко и уверенно. Тогда никто даже с-сличать не будет. А если п-просто подать паспорт – кто-нибудь п-послушает и взглядом в тебя вцепится... Мозги, Филатов! В нашем деле без них ты п-покойник, – он резко перешёл на «ты».

После этого мы поговорили ещё минут десять, и я ушёл. Уже относительно спокойный за свою дальнейшую службу.

Нет, я не попал к Савельеву. Мы были в хороших отношениях, я многое узнал и многому научился у него. Но мне не пришлось служить под его началом.

Я до сих пор сожалею об этом.

1991, лето. Москва

Анатолий Николаевич Савельев был из первого состава Группы, из легендарной первой тридцатки.

Тогда никто толком не знал, к чему нужно готовить бойцов. Из сотен кандидатур отобрали тридцать. Ориентировались на три качества: физическую подготовку, интеллект, натренированный на решение практических задач в кратчайшие сроки, и готовность переносить всё, что угодно, ради выполнения задачи. В крайнем случае – ради этого умереть.

У Савельева всё это было. И особенно – готовность к любым испытаниям. Более того – он стремился к ним.

В Группе я повидал разных людей. Были те, кто просто скорее тянут лямку – ровно, без взбрыков. Были и такие бойцы, которые намеренно не успевали на боевой выезд – чтобы отсидеться, не попасть в самую мясорубку. Всегда можно «есть свой бутерброд» немного дольше обычного. И опоздать в заданное место к определенному времени. Но большинство стремились на передний край. И буквально плакали от злости и обиды, когда на дело шли не они.

Савельев из них был первым. Больше всего на свете он любил лезть в самое пекло – и выходить оттуда победителем. Именно так, в такой последовательности. У него в крови было то, что воспевал поэт-партизан Денис Давыдов: «Я люблю кровавый бой, я рождён для службы царской». Он рвался на

самые опасные операции. Ради этого он мог бросить отпуск, выходной, убежать из дома. Точнее, с дачи – Анатолий Николаевич предпочитал жить за городом. Но если что-то случилось, он говорил домашним, что поехал за продуктами, и ехал на базу. Там, на базе, была его настоящая жизнь.

О его службе в Подразделении долгое время не знали даже домашние. С 1974 года и по начало девяностых Савельев каждый день уходил «на работу в НИИ». Мы все тогда работали в каких-нибудь «НИИ». У каждого сотрудника была «легенда» – кто-то трудился на заводе, кто-то на промышленном предприятии. «Работали» инженерами, проектировщиками, слесарями... В семьях не знали, чем на самом деле занимаются их родные. Это было строгойше запрещено.

Жена Савельева, Наталья Михайловна, догадывалась, что муж её обманывает. Нет, не с другой женщиной. Она знала, что он занят чем-то крайне важным. Но без подробностей.

В 1991 году, когда случился ГКЧП, Савельев тоже сбежал на работу. Даже не потрудившись сочинить что-то убедительное.

Тогда никто не понимал, что происходит и к чему идёт дело. Наталья Михайловна не находила себе места – где муж, что с ним?

В конце концов она сделала следующим образом: позвонила в подразделение дежурному, благо знала телефон, и сказала: «Это жена Савельева. Спросите у него, пожалуйста, ему привезти чистые рубашки?» – «Минуточку, сейчас

узнаю».

Дежурный ушел осведомиться, а Наталья Михайловна положила трубку. На работе, поняла она. Но не в командировке, а в Москве.

– Тебе бы у нас служить, с твоей смекалкой, – уже дома сказал Анатолий Николаевич жене.

Он научился ценить смекалку очень давно. Ещё с первой своей операции. Там, в Афгане.

1979, зима. Кабул

Накануне новогодних праздников в кабульском аэропорту приземлился самолёт. На борту находилась спецгруппа КГБ «Гром» – двадцать четыре бойца «Альфы» под командованием замначальника Группы «А» Михаила Михайловича Романова. Среди них был и Савельев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.